Известная как

Джеймс Грей

Тимофей Седов

Известная как Джеймс Грей

«Автор»
2026

Седов Т.

Известная как Джеймс Грей / Т. Седов — «Автор», 2026

Лондон, 1745 год. Дочь умерла, не дожив и до года, муж исчез за морем — и у швеи Ханны Снелл не осталось ничего. Тогда она надевает мужской кафтан, берёт имя Джеймс Грей и записывается в полк генерала Гайза: официально — искать мужа, на деле —начать жизнь заново. Впереди пять лет дороги: плац и караулы, морские переходы, траншеи под Пондишери. Казарма и палуба беспощадны к тайне, которую нельзя раскрыть ни на одном смотре, ни при одной болезни. Сколько можно вынести под чужим именем — и чем придётся заплатить за право однажды снова произнести своё? Основано на реальной истории Ханны Снелл — женщины-солдата XVIII века, героини памфлета «The Female Soldier» 1750 года.

© Седов Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Имя для дороги 5
Глава 2. Цена ночлега 12
Г 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Тимофей Седов
Известная как Джеймс Грей

Глава 1. Имя для дороги

У пуговицы на рукаве оставалось две нитки. Я обрезала их и положила пуговицу на стол, рядом с крошками, прежде чем Сюзанна успела смахнуть всё в ладонь.

Стол стоял между очагом и перегородкой, за которой мы спали. Если Джеймс отодвигал скамью, Сюзанне приходилось поворачиваться боком, чтобы пройти к полке с посудой. Над очагом темнело дерево; на ближайшей к огню стене сохли два чулка, один заметно короче другого. Днём я шила у окна. Теперь маленькие стёкла почернели, и в одном из них дрожал огонёк нашей свечи.

Сюзанна напомнила, что Джеймсу утром нужен этот кафтан. Я сказала, что у него есть другой, и сестра посмотрела на меня так, словно я уже что-то испортила. Кафтан лежал у меня на коленях, тяжёлый и тёплый от рук. Я пропустила нитку в иглу. На тёмном сукне было трудно разглядеть старые проколы; я придвинула свечу, и Сюзанна тут же отодвинула от неё корзинку с тряпьём.

Под чепцом у сестры выбилась тёмная прядь. Когда Сюзанна сердито поднимала левую бровь, она становилась похожа на меня — или я на неё; дома мы об этом спорили. Она расправила сбившийся у пояса передник и потянулась за миской.

Джеймс сидел у другого края стола и зачищал деревянный клин. Он был мужем моей сестры, плотником, и приносил домой щепки в таких местах, где другой человек не сумел бы спрятать даже монету. Одна сейчас торчала у него из светлых волос над ухом. Когда он наклонялся над деревом, нижняя губа чуть выдвигалась вперёд. Я знала это лицо лучше, чем его лицо на улице, под шляпой.

— Пришей насквозь, — сказал он, не поднимая головы. — Подкладку тоже захвати. Опять зацеплюсь, если будет болтаться.

Я кивнула.

— Только не стяни весь рукав, — добавил он.

— Тогда сам пришей.

Он отложил нож, протянул руку за иглой и подождал. Я не дала. Джеймс усмехнулся и вернулся к своему клину.

От очага тянуло теплом на одну сторону лица. Другая оставалась холодной. За дверью кто-то тяжело спустился по лестнице, под ногой скрипнула ступень; с улицы донёсся стук колёс. Мы жили на Шип-стрит в Уоппинге, и даже когда дома затихали, снаружи всё ещё тащили, катили и перекладывали что-нибудь с места на место.

Сюзанна разрезала остаток хлеба. Большую часть завернула в ткань, меньшую положила передо мной.

— Доешь.

— Я ела.

— Я сидела напротив.

Я положила иглу поперёк сукна и взяла хлеб. Пока я жевала, сестра собрала посуду. Она делала это громче, чем требовалось, но по одному этому я не могла понять, сердится ли она на меня или просто устала.

— Завтра сходишь со мной за бельём, — сказала она. — Там работы на несколько дней. Вдвоём управимся.

Она говорила о работе так, будто мы уже условились. Если не забрать бельё завтра, найдётся другая швея; я знала это не хуже неё. Сестра повернулась ко мне с двумя мисками в руках.

— Ты ведь умеешь. Лучше меня умеешь.

Я опустила взгляд на кафтан. Пуговицу следовало пришить там, где она была, но мои пальцы уже нашли второе место, ближе к краю: так рукав можно было застегнуть теснее на моём запястье. Я убрала большой палец и снова нащупала старые дырочки.

— Я могу взять часть домой, — сказала я.

— Так и возьмём. Я не предлагаю тебе стоять у них под дверью и шить.

Джеймс сдул стружку с клина. Сюзанна накрыла миски ладонью.

— Хоть за ужином оставь.

— Ужин уже кончился.

— У тебя.

Он посмотрел на хлеб в моей руке, собрал щепки и убрал нож.

Я любила их обоих. В этом доме мне уступали место, оставляли еду, давали работу, которую я могла делать сидя. Если я долго молчала, со мной тоже молчали. Иногда я слышала, как они начинали разговаривать, едва я уходила из комнаты, и останавливалась за дверью, сердясь на себя за желание подслушать.

Раньше я вошла бы и спросила, что они от меня прячут. Сюзанна велела бы не выдумывать, Джеймс сказал бы какую-нибудь глупость, и я рассмеялась бы раньше сестры. Теперь они успевали посмотреть на моё лицо, прежде чем заговорить. Я ловила этот взгляд даже тогда, когда мне просто хотелось пить или болел зуб. Иногда нарочно отвечала резче, чтобы Сюзанна рассердилась по-настоящему. Но она лишь ставила чашку поближе, и мне становилось стыдно.

Я не могла объяснить ей, отчего так тяжело идти завтра за бельём. Работа была хорошая, знакомая. Можно было бы расправить на коленях чужую рубаху и до вечера ни разу не выйти из дома. А потом ещё день.

Сюзанна спросила, ходила ли я опять расспрашивать. Я сказала, что вчера, и мне пришлось поднять голову: она ждала, что я узнала. Я пожала плечами.

У реки оказалось много людей, знавших голландцев по имени Джеймс. Кто-то начинал вспоминать, кто-то сразу отмахивался. Я называла имя Суммса, говорила, как он выглядит, объясняла, что он мой муж. После этого вопросы менялись. Одни спрашивали, давно ли он ушёл, другие — сколько денег унёс; находились и такие, кому хотелось узнать, чем я его прогнала. Я возвращалась с чужими советами и ни с одним сведением, которое можно было проверить.

— Завтра пойдём за бельём, — повторила сестра, уже тише. — А если что-нибудь узнают, нас найдут.

— Кто нас найдёт?

— Те, у кого ты спрашивала.

— Они даже не помнят моего имени.

— Ханна…

Я потянула нитку слишком сильно, и сукно собралось мелкими складками вокруг пуговицы. Пришлось ослабить стежок ногтем.

Суммс не знал, что у него родилась дочь. Я не могла быть уверена даже в этом: вести ходят без спроса, и кто-нибудь мог рассказать ему. Но от меня он ничего не слышал. Он ушёл, когда я ещё носила её, а потом она прожила семь месяцев — целую жизнь, которой он не видел.

В последние недели она научилась хватать край моей сорочки. Я разжимала её пальцы по одному, когда нужно было положить её и встать. Иногда она успевала зацепиться снова, и я смеялась, хотя торопилась. Теперь, просыпаясь, я ещё проверяла рукой ткань у груди. Каждый раз рука успевала раньше памяти.

Сюзанна подошла к столу и взяла пустую корзинку.

— Что ты ему скажешь, если найдёшь?

Я знала, что она ждёт ответа. До этого вечера я сама старалась не задавать себе вопроса целиком. Мне было легче представлять дорогу, расспросы, его лицо в дверях.

Он умел ждать, пока я рассмеюсь. Скажет что-нибудь нелепое, заметит, что я отворачиваюсь, и замолчит с таким серьёзным лицом, что удержаться уже нельзя. Однажды в холодный вечер он грел мои пальцы у себя под мышкой и не выпускал руку, пока я не перестала стучать зубами. Когда приходилось описывать его чужим людям, я вспоминала волосы и рост. Этого никому не рассказывала.

В этих коротких встречах, которые я выдумывала перед сном, он всегда сначала узнавал меня. Иногда радовался; я сердилась на себя за это и заставляла его отвернуться. Тогда говорила то, что приготовила, но до конца не доходила. Мне хотелось, чтобы он перебил, спросил, приблизился. Хотелось увидеть, что мои слова хоть что-нибудь с ним сделают. Сестре я не могла сказать этого. Она услышала бы надежду, от которой я сама старалась избавиться.

— Про девочку.

Сестра села.

— А потом?

Я провела иглу сквозь подкладку и вернула обратно.

— Не знаю.

— Если он скажет, чтобы ты уходила?

Я завязала узел. Нитка не хотела рваться; я взяла ножницы, отрезала её и только тогда ответила:

— Услышу сама.

Джеймс сидел, положив ладони на стол. Я видела светлую пыль в трещинах кожи у его ногтей. Он не стал говорить за сестру и не стал помогать мне спорить с ней.

— Ты сперва поешь, — сказала наконец Сюзанна. — А то опять уйдёшь, вернёшься к ночи, и хлеб как лежал, так и лежит. Здесь оставлю, слышишь?

Я пришила пуговицу на прежнее место.

*

Когда я проснулась, в комнате уже можно было различить окно. Я некоторое время лежала, прислушиваясь. Из-за перегородки доносилось дыхание Джеймса; сестра кашлянула и снова затихла.

Одежду я приготовила с вечера. Кафтан висел там, куда я его повесила после починки; под ним я оставила рубаху, жилет и штаны Джеймса. Я не знала, как он назовёт это, когда обнаружит пропажу. Слово «взять» хорошо служило мне, пока я только думала об уходе. Теперь я представляла его у пустого крючка, с тем же терпением, с каким он протягивал руку за иглой.

Я села на постели и поставила ноги на холодный пол.

Женскую одежду я сложила в ногах. Потом надела рубаху. Она пахла высохшей тканью и домом. Штаны пришлось подтянуть выше и прихватить на талии; возле колен я застегнула их осторожно, чтобы не стукнули пуговицы. Чулки остались мои. Башмаки тоже: в чужих я не прошла бы и дня.

Когда я поднялась, подол сорочки сбился под штанами. Я снова села, расправила его, проверила, могу ли согнуть ногу. При каждом движении находилась ещё одна складка, которой я не ожидала.

Я надела жилет и кафтан. Плечи сидели широко, рукава прикрывали кисти. Вчера мне хотелось ушить их под себя; теперь я поняла, что широкие плечи могут оказаться полезнее аккуратной посадки. Я подвернула рукава внутрь и прошлась от постели к двери.

Штанины тянули при слишком большом шаге. Я остановилась, поправила ткань и попробовала ещё раз, медленнее.

Больше всего меня тревожили волосы. Я собрала их тесно, убрала под шляпу Джеймса и ощупала затылок. Потом сняла шляпу, переделала всё и надела снова. На стене висел маленький кусок зеркала, но света было недостаточно. В нём я увидела щёку, край поля и собственный глаз, слишком пристально смотревший на меня. Из-под шляпы выбилась тёмная волосинка. Я убрала её и повернула голову: щёки за последние месяцы осунулись, но подбородок оставался по-детски круглым, и от этого чужой кафтан выглядел ещё шире. Я попробовала нахмуриться, как Джеймс, когда прикидывал длину доски. Получилось так похоже на сердитую Сюзанну, что я едва не фыркнула. Тут же прислушалась к перегородке.

Я всё ещё узнавала себя. От этого одновременно стало легче и страшнее: я-то знала, куда смотреть. Может быть, чужой человек увидит только плохо сидящую одежду. Я поправила шляпу и отошла от зеркала, пока не начала переодеваться обратно.

В узелок легли запасные чулки, кусок полотна, игла с нитками и то, что я могла унести, не превращая себя в человека, обременённого целым домом. Я долго держала в руках маленькую детскую рубашку. Сюзанна выстирала её после похорон; знакомого запаха уже не было. Я сложила её ещё раз и положила под свою юбку на постели. Брать её в дорогу мне было страшнее, чем оставить.

Денег оказалось столько же, сколько при последнем подсчёте. Я проверила их ещё раз, разделила на две кучки и несколько мгновений смотрела на меньшую. Если оставить её за одежду, Джеймс всё равно не купит себе другой костюм, а мне раньше придётся просить. Я сгребла обе кучки. Монеты я завернула в тряпицу, чтобы не звенели.

Я могла остаться. Через немного времени Сюзанна поднялась бы, увидела меня и заставила снять всё это прежде, чем услышала бы половину объяснения. Я почти обрадовалась, представив, как она ворчит, расправляя помятый кафтан. Тогда уход превратился бы в затею, которую удалось вовремя остановить.

Я взяла узелок.

Хлеб лежал на столе. Я отрезала себе немного, потом ещё ломоть и завернула вместе с остальными вещами. На доске осталось меньше, чем я хотела оставить.

Мне хотелось написать сестре, чтобы она не искала меня у воды. Я умела прочесть такую записку, если бы её написал кто-нибудь другой. Сама я не смогла бы вывести всё, что было нужно, и никто в этом доме не должен был узнать о записке до моего ухода.

Я положила свою юбку поверх остальных вещей так, чтобы Сюзанна сразу увидела её. Потом вернулась и убрала с пола оброненную нитку. Совсем короткую, не стоившую наклона. Держала её в пальцах, пока не поняла, что тяну время, и бросила к очагу.

Задвижка поддалась не сразу. Я приподняла дверь, как это делал Джеймс, и потянула ещё раз. За моей спиной скрипнула постель.

Я замерла.

В соседней комнате кто-то повернулся. Потом опять стало тихо.

Я вышла и прикрыла дверь обеими руками.

*

На улице было холоднее, чем я ожидала. Воздух сразу забрался в рукава. Я сунула пальцы под мышки, но увидела мужчину, приближавшегося с другого конца улицы, и опустила руки.

Он нёс что-то длинное на плече. Я прижалась к стене, пропуская его. Он прошёл, не взглянув мне в лицо.

Я постояла ещё немного. Ничего не случилось.

Потом я пошла.

Верхние окна ещё были тёмными. Внизу уже снимали ставню; мужчина поставил её у стены, и за ним открылась полка с хлебами. Из узкого прохода пахнуло водой и чем-то смолистым. Женщина с ведром окликнула другую через улицу, обе продолжили разговор, не сближаясь. Я знала, где нужно перешагнуть сток, где дверь распахивается прямо под ноги. За

несколько домов до поворота на верёвке сушилась маленькая рубаха; я успела рассмотреть пустые рукава и отвела глаза.

Ковентри было первым названием, за которое я смогла держаться. Суммс упоминал его, когда ещё рассказывал мне о прежних заработках и людях, у которых можно найти место. Тогда я слушала вполуха: меня больше занимало, когда он вернётся к ужину. Теперь я перебирала те разговоры, пытаясь извлечь из них дорогу. Я не знала, бывал ли он там недавно и есть ли хоть один человек, который о нём помнит. Но здесь, возле воды, я уже спрашивала.

Некоторое время я шла знакомыми улицами, стараясь не поворачивать головы. Узелок мешал: я то несла его сбоку, то прижимала к себе. Я боялась встретить человека, который назовёт меня Ханной, и ещё больше — сама обернуться на знакомый голос прежде, чем пойму, к кому обращаются.

За спиной с грохотом покатилась пустая бочка. Я отскочила, поскользнулась и едва удержалась на ногах. Человек, кативший её, даже не остановился. Я почувствовала злость, и от неё стало немного легче: на несколько шагов я забыла о шляпе и о том, как нужно держать плечи.

Время от времени приходилось спрашивать дорогу. Я задавала один вопрос и старалась не добавлять ничего сверх него. Когда говорила слишком низко, голос выходил хриплым; после двух попыток я оставила его в покое. Люди показывали рукой, отвечали на ходу или не отвечали вовсе. Я всё ждала особенного взгляда, но чаще смотрели на то, что несли сами, или на лошадь перед собой.

К тому времени, когда я добралась до двора с повозками, ноги начали уставать. Я съела хлеб, стоя у стены, и проверила монеты в кармане. День ещё только начинался для тех, кто здесь работал. Одна повозка выехала, заставив меня отойти в грязь; за другой мужчина увязывал груз, перебрасывая верёвку через высоко сложенные тюки.

Он дёрнул её, полотно сверху поползло, и край зацепился за угол груза. Послышался треск.

Мужчина выругался себе под нос и обошёл повозку.

Присел у разрыва, и мокрое поле его шляпы опустилось к одному уху. Он отогнул его широкой рукой. Под полями показались крупный нос и покрасневшая скула. Даже сердясь, он сначала убрал ткань с грязного колеса.

Я смотрела на разрыв. Его уже чинили: поперёк шла заплата, у которой оторвался один край. Рядом был ещё крепкий участок ткани, за который можно было взяться.

— Чего стоишь? — спросил он.

Я подняла глаза.

— Куда вы едете?

— А тебе куда надо?

— К Ковентри.

— Далеко тебе надо.

Он снова потянул полотно, будто разрыв мог исчезнуть от того, что его перестанут жалеть.

— Я заплачу, если по пути, — сказала я.

— Сколько?

Я назвала сумму меньше той, что лежала у меня в кармане.

Он посмотрел на мои башмаки.

— За это далеко не уедешь.

— Тогда до куда хватит.

— Мне сейчас не пассажир нужен.

Он полез под сиденье и достал свёрток грубой ткани. Развернул его, поискал что-то в складках, опять свернул.

— Это можно зашить, — сказала я.

— Знаю.

— Если есть чем.

Он прищурился.

— А у тебя есть?

Я развязала узелок. Моя игла годилась для тонкой ткани, и я поняла это ещё до того, как он засмеялся.

— Этой будешь до весны ковырять.

Он достал из кармана иглу потолще с продетой нитью и протянул мне.

— На. Покажи.

Я положила узелок к стене и взялась за край полотна. Пальцы озябли, ткань была жёсткой. Первые два стежка вышли неровными. Я распустила их, подвинулась ближе к разрыву и начала заново.

Мужчина смотрел. Потом ему надоело; он отошёл к лошади и стал поправлять упряжь.

Я старалась брать ткань там, где она ещё не разлохматилась. Пришлось потянуть край на себя, и заплата легла косо, зато держалась. Когда я подняла голову, он уже стоял рядом.

— Дёрни, — сказала я.

Он потянул. Я придержала полотно ладонью.

— Теперь верёвку можно пустить поверх.

— Это я сам знаю.

Он проверил другой край, повернул голову к лошади, затем снова ко мне.

Он предложил зашить ещё одну дыру, а потом помочь перетянуть груз. На шов я согласилась сразу; при взгляде на тюки он заметил мою заминку.

— А что ж ты умеешь?

— Шить умею. Остальному покажете.

Он хмыкнул, но иглу не забрал.

— Уилл, — сказал он. — Меня так зовут. А тебя?

Я уже приготовилась произнести имя, пока он ещё спрашивал, но язык всё равно задержался у зубов.

— Джеймс.

— Джеймсов хватает. Дальше что?

На мгновение я увидела мужа сестры за столом: щепку в волосах, раскрытую ладонь, ожидающую иглы.

— Грей.

Уилл кивнул и показал на вторую прореху. Я наклонилась к ней. Он не переспросил. Имя было принято, и теперь от меня ждали работы.

Я протянула нить сквозь полотно и вдруг почувствовала, как сильно хочу, чтобы второй шов вышел лучше первого. Уилл мог похвалить его, мог ничего не сказать, мог велеть распороть. Ни один ответ не зависел от того, что обо мне знали дома. Я пригладила косую заплату ладонью. Показать её Сюзанне я постеснялась бы; здесь мне хотелось дёрнуть посильнее и ещё раз убедиться, что держится.

Со вторым швом я справилась быстрее. Потом он велел держать верёвку и показал, куда её пропустить. Я тянула обеими руками, упираясь ногой в колесо. Сукно натянулось у меня на спине; я испугалась, что сейчас лопнет и оно.

— Довольно, — сказал Уилл. — Не всю повозку к себе тащи.

Я отпустила верёвку не сразу. Ладони горели.

Он закрепил конец и осмотрел груз.

— Вот что, Грей. Пойдёшь со мной до завтрашнего утра. Поможешь, где скажу, получишь еду. Когда можно будет, подвезу. Монеты свои оставь.

— В сторону Ковентри?

— В ту сторону. До самого Ковентри я не обещал.

Я оглянулась на ворота. За ними шли люди. Где-то там Сюзанна уже могла подняться и увидеть мою одежду, но я не могла представить, что сделала бы она после этого. Я наклонилась за узелком.

— Пойду.

Уилл кивнул на лошадь.

— Постой у головы, пока я проверю сзади. Только под ноги не лезь.

Я подошла сбоку. От неё шло тепло. Она повернула ко мне морду, и я отступила, прежде чем успела себя остановить.

— Не тронет, — сказал он. — Сама тебя боится.

Я положила ладонь ей на шею. Кожа под шерстью дрогнула. Уилл обошёл повозку, ещё раз потянул верёвку и забрал мой узелок, чтобы бросить его наверх.

— Ночью кровать возьмём на двоих, — сказал он. — Два места оплачивать мне незачем. Спишь смирно?

Его голос доносился с другой стороны груза. Он не видел моего лица.

— Смирно.

— Ну и ладно. Держи пока.

Лошадь переступила, и мне пришлось двинуться вместе с ней. Тёплая шея уходила из-под ладони. Я снова положила руку, стараясь не сжать пальцы.

Я могла ещё забрать узелок. Уилл стоял рядом; нужно было только сказать, что я передумала.

— Всё, Грей, — позвал он. — Пошли.

Я вывела лошадь за ворота.

Глава 2. Цена ночлега

К вечеру я научилась садиться на повозку, не задевая ногой колесо. Всё остальное давалось хуже. На подъёмах приходилось слезать; когда Уилл звал обратно, я делала вид, будто ещё могу идти. Он придерживал лошадь и ждал. Я забиралась на своё место, сердито стряхивая грязь с башмаков.

— Залезай, Грей. На тебя день тратим.

Я хваталась за край, подтягивалась и садилась боком на доску. Некоторое время ноги болтались свободно. Потом начинало трясти так, что я снова думала о земле под башмаками.

Колёса шли по тёмным колеям. По сторонам тянулись оголённые изгороди, за ними виднелись полосы поля и редкие деревья, насквозь просвеченные вечерним небом. Там, где дорога поднималась, я могла оглянуться: люди позади становились маленькими, а поворот, до которого мы так долго добирались, уже скрывался. В низине лежала вода. Над нею кружились птицы, садились на землю и снова поднимались, пока наша лошадь медленно жевала удила.

Уилл почти не разговаривал. Утром мне казалось, что он из тех людей, которым всегда есть что сказать. Теперь он лишь изредка покрикивал на лошадь и двигал плечом, словно кафтан жал под мышкой. Когда он решил остановиться, я обрадовалась прежде, чем увидела дом.

Над въездом скрипнула вывеска, рисунка на которой я в сумерках не разобрала. Повозки стояли вдоль стены; в глубине двора из открытого стойла высунулась лошадиная морда. Человек с вилами отбрасывал мокрую солому, освобождая нам место. Пахло навозом и мокрым деревом. Над дверью дома светилось окно, а из самой двери вырвались голоса и звон посуды. Я повернулась на звук.

— Сначала здесь, — сказал Уилл.

Нужно было помочь с покрытием, подать верёвку, отнести узелок. Я дважды спросила то, что он уже объяснил. Он показал ещё раз, молча, и это заставило меня собраться. Когда мы наконец вошли, тепло обожгло уши.

В общей комнате пришлось обойти скамью, далеко отодвинутую от стола. У огня мужчина сушил чулки, держа их за края; возле его ног лежала собака и не поднимала головы, когда через неё переступали. На стене за столом темнели мокрые следы от плеч постояльцев. Мы сели ближе к лестнице, где тянуло снизу по ногам, зато можно было вытянуть локти.

Женщина с засученными рукавами поставила перед нами хлеб и две миски. Ладонь она вытирала о передник каждый раз, прежде чем взяться за новую посуду. Уилл назвал её Мартой и спросил, можно ли наверх. Она выпрямилась; белый край чепца резко выделялся над её красным лбом.

— После еды. Прежде уберите грязь с башмаков.

Она посмотрела на мои ноги.

— С твоих особенно.

Я подтянула их под скамью, словно грязь можно было спрятать. Марта поставила к стене скребок и ушла к другим постояльцам.

В миске плавали лук, тёмные кусочки мяса и разварившаяся крупа. Я держала ложку неловко: в том месте, где утром лежала верёвка, кожа саднила. Уилл ел, не отрывая глаз от своей миски. Под столом он вытянул ногу и тихо выдохнул.

Я попробовала расспросить Уилла о хозяйке. Мне хотелось знать, давно ли он её знает и станет ли она сердиться, если я попрошу о другом месте. Но он понял только, что я медлю над едой.

— Хочешь узнать, чем кормит? Ешь, сам увидишь.

Я зачерпнула поглубже. Горячее попало на пустой желудок, и некоторое время я не могла думать ни о чём, кроме следующей ложки. Потом миска опустела. Уилл подобрал хлебом остатки, а я вытерла свою так тщательно, что стало неловко отдавать её Марте.

Когда Марта подошла, я спросила об отдельном месте. Она ответила, что занято, и поставила миски одну в другую.

— У окна ляжешь, если от него жарко. Уилл, не оставляй свечу гореть.

— Знаю.

Она задержала на нём взгляд. Он опустил глаза, достал деньги и отсчитал ей плату.

Я ещё посидела, грея руки. В доме Сюзанны сейчас тоже убирали со стола. Я не позволила себе думать, сколько раз за день она выходила к двери, и сразу подумала именно об этом.

Уилл поднялся.

— Ну?

Я взяла узелок и пошла за ним.

*

Кровать стояла длинной стороной к стене. Между нею и окном помещался стул; к спинке был прибит кусок дерева там, где она раскололась. Уилл поставил свечу и сразу стянул кафтан. На спине его жилета проступило тёмное пятно.

Я оставалась у двери.

Сюда тепло снизу почти не доходило. Под окном темнела сырая полоса, в щель рамы был втиснут свёрнутый лоскут. От свечи тень Уилла легла на стену до самого потолка. Он снял шляпу: волосы под ней слиплись плоскими прядями, и лицо сразу стало усталым, без той резкости, с которой он поворачивался ко мне на дороге.

— Ложись внутрь, — сказал он. — Мне утром раньше вставать.

Он сел и потянул за башмак. Тот не снимался. Уилл расстегнул его, дёрнул ещё раз и выругался, уже без всякой силы.

— Прихвати пятку.

Я поставила узелок и присела. Башмак сошёл резко; я едва не упала назад. Уилл засмеялся, согнувшись над вторым.

— Этот сам. А то через всю комнату полетишь.

Я смотрела на его чулок, вытянутый у большого пальца. Пятка была протёрта почти насквозь. У Джеймса дома я бы отложила такой чулок к утреннему шитью. Здесь я отвернулась и стала снимать собственные башмаки.

Кожа у мизинца прилипла к ткани. Я потянула, остановилась, сняла чулок медленнее. На ноге вздулся пузырь. Уилл скользнул по нему взглядом.

— Другую пару на завтра возьми.

— Есть.

— Вот и хорошо.

Он повесил чулки на стул. Я разложила свои рядом, потом сняла кафтан. Без него рубаха сразу показалась слишком тонкой. Я оставила жилет застёгнутым и села на край кровати.

Уилл стянул жилет через плечи, сложил его поверх кафтана и подождал.

— Чего сидишь? Лезь к стене.

Я легла. Под нами хрустнуло, постель прогнулась. Я повернулась лицом к стене и прижала к груди сложенный кафтан. Уилл опустился рядом. От него пахло лошадью и кожей; в другое время я едва обратила бы на это внимание, но теперь запах занял всю комнату.

— В штанах спать будешь?

— Замёрз.

— Как знаешь. Твоё дело.

Он задул свечу.

Некоторое время я слышала только то, что происходило внизу: передвигали скамью, закрывали дверь. Потом стало слышно, как Уилл дышит носом. Его колено коснулось моей ноги. Я подалась к стене и стукнулась локтем.

— Не толкайся, — пробормотал он.

Я замерла. Дыхание рядом выровнялось.

Днём я представляла себе эту ночь короткой помехой: стерплю, а утром снова будет дорога. В темноте утро отодвинулось так далеко, что я не могла до него додумать. За каждым шорохом следовал другой. Уилл ещё устраивался, а у меня уже затекла рука.

Я думала, что сумею не спать до утра. Нужно было лежать тихо, следить за его руками и оставаться лицом к стене. Но стоило закрыть глаза, как я переставала понимать, где лежу. Мне чудилась моя постель у Сюзанны, и я уже начинала поворачиваться на спину, свободно откидывая руку. Я вздрагивала и снова упиралась коленями в стену.

Кафтан становился тяжёлым на сгибе локтя. Я не решалась переложить его. Уилл потянул одеяло, я удержала свой край, потом отпустила: он вздохнул и затих.

Мне хотелось разбудить его и сказать, чтобы он спал спокойно. Объяснить всё в нескольких словах, попросить отвернуться, пока я устраиваюсь, и наконец вытянуть ноги. Я перебирала эти несколько слов, как будто от их порядка зависело, что он сделает потом. На «я женщина» всё останавливалось. Я знала Уилла меньше одного дня.

Внизу опять загремела посуда.

Я приподнялась на локте. Уилл лежал на спине, ближе к краю, чем мне представлялось в темноте. Я осторожно опустила ногу в изножье, нащупала пол и выбралась, придерживая кровать ладонью. Он не проснулся.

Чулки пришлось взять мокрыми. Я накинула кафтан; башмаки и узелок понесла в руках.

*

Марта стояла у стола и скоблила ножом что-то приставшее к доске. Увидев меня, она остановилась.

Она решила, что Уилл меня прогнал. Я поспешила сказать, что он спит, и попросила позволить мне посидеть внизу. Марта указала на неубранный стол. Пришлось отступить с башмаками в руках.

Под босыми ногами было холодно. Пока я выбиралась из комнаты, дрожи не чувствовала; теперь меня затрясло, и я поставила башмаки, чтобы не выронить. Марта убрала доску и стала вытирать стол. Я следила за её рукой, ожидая новых вопросов.

— Мне совсем немного нужно, — сказала я. — Где одному лечь. Хоть на полу.

Марта отказалась оставлять меня в проходе. Я не сдвинулась. Она довела тряпку до края стола, расправила её и сложила вдвое.

— Есть чулан. Там холодно. И постели нет.

— Дверь есть?

Марта подняла глаза.

— Есть. Пойдём посмотришь.

Она взяла свечу. Я торопливо сунула ноги в башмаки и последовала за ней, придерживая на плечах кафтан. В чулане пахло луком и сухой пылью. На крючках висели связки, возле стены стояли корзины, а под мешковиной угадывались края пустых горшков. Пламя высветило крышку сундука, затёртую посередине; выше уже ничего нельзя было различить. Между стеной и сундуком оставалось место, где можно было лечь, согнув ноги.

Тюфяка не было. Марта обещала старое одеяло, которое следовало утром вернуть ей в руки, и назвала плату. Я молчала.

— Наверху за тебя уже заплачено, — сказала Марта.

— Знаю.

Мне нужно было только подняться по лестнице. Уилл даже не заметил бы, что я уходила. Я могла бы опять лечь у стены и попробовать уснуть, как засыпала рядом с мужем, с сестрой, с ребёнком, которого боялась придавить. Но в каждом из тех мест я могла проснуться собой.

Я достала тряпицу с монетами.

Марта поднесла свечу. Я отсчитала плату, завернула остаток и спрятала. Она не спросила больше ничего.

Когда вернулась с одеялом, я уже сидела на полу. Она протянула его, задержала руку на двери.

— Свечу заберу. Здесь и без тебя тесно.

— Заберите.

Я закрыла за нею дверь. Задвижки с этой стороны не оказалось. Пришлось подвинуть корзину; в ней что-то тяжело пересыпалось. Я устроилась так, чтобы ноги упирались в корзину, и только тогда расстегнула жилет до конца.

Лопатке мешал угол сундука. Я повернулась, подложила под бок кафтан и вытянула одну ногу мимо корзины. Удобно не было, но теперь я могла выбирать, как лежать.

Я перебирала монеты мысленно, вычитая плату ещё раз, хотя остаток уже знала. Получалось, что за один день я успела заработать еду и потратить деньги, чтобы уйти с оплаченной кровати.

За стеной глухо стукнуло. Я прислушалась, упёрлась пяткой в корзину и поняла, что дверь всё ещё закрыта. Можно было распустить завязку, поправить сорочку, почесать кожу под тесной тканью. Я сделала всё это медленно, с сердитым удовольствием. Потом подложила ладонь под щёку. Монеты я пересчитать до конца не успела.

*

Утром Марта толкнула дверь, и корзина ударила меня по пятке.

— Вставай. Он тебя ищет.

Я поднялась слишком быстро. Ноги затекли; пришлось держаться за сундук. Некоторое время я никак не могла попасть рукой в рукав. Марта не торопила. Она ждала одеяло.

Во дворе Уилл стоял рядом с повозкой. Увидев меня, он перестал затягивать ремень.

— Где тебя носило?

— Внизу спал.

— Чем кровать плоха?

— Тесно.

— Так сказал бы. Я подвинулся бы.

Он снова взялся за ремень. Я поставила узелок подальше от грязи и подошла помочь.

Нужно было переложить два тюка. С первым я поторопилась, и Уилл велел опустить его. Мы взялись заново, он объяснил, когда поднимать и куда тянуть. На этот раз получилось. Я почувствовала, как сдвинулся вес, и успела переставить руки прежде, чем ткань выскользнула.

— Вот так, — сказал он. — А то вчера всё один за двоих решал.

Я разгладила покрытие. Моя заплата держалась.

Когда груз был увязан, Уилл ещё раз обошёл повозку, проверил крепления и остановился возле меня.

— Я дальше в другую сторону. К Ковентри тебе пешком или искать, кто подвезёт.

Я кивнула. Мне хотелось, чтобы он ушёл, пока я ещё могла не попросить взять меня.

— Можешь со мной, — сказал он. — До выгрузки. Там и плату получишь.

До выгрузки оставалось два дня, если всё пойдёт хорошо. Потом Уилл собирался назад. Я переспросила о Ковентри, хотя он уже объяснил дорогу, и он нетерпеливо повторил, что едет в другую сторону.

Два дня с едой, с известным человеком, с работой, которую он покажет. Я почти согласилась. Потом представила, что через два дня он предложит помочь и на обратном пути. При-

чина остаться нашлась бы и тогда. До Ковентри мне пока ещё хотелось добраться сильнее, чем удобно сесть на доску.

— Мне к Ковентри нужно.

Он спросил, есть ли у меня там место. Пришлось признаться, что ищу человека и не знаю, даст ли тот работу. Уилл посмотрел на мой узелок.

— Ну, тебе виднее.

Уилл полез под сиденье и достал завёрнутый хлеб.

— На. До утра договаривались, а завтрак ты проспал.

Я взяла свою долю. Он не прибавил к ней ничего и не отнял за ночные хлопоты. От этого прощаться оказалось труднее: мне не на что было сердиться.

— Спасибо, — сказала я.

— За шов и я спасибо сказал. Погляди под ноги, когда из ворот пойдёшь. Там колея.

Я отошла, пропуская повозку. Уилл сел, повернулся к дороге. Я ждала, что он ещё обернётся,и в то же время надеялась, что не станет. Он не обернулся.

*

Следующие дни я запомнила по тому, как расплачивалась.

Сначала за еду. Потом за место на повозке: к тому времени нога болела так, что я соглашалась на плату, даже зная, сколько останется. Ещё раз за ночлег, прежде спросив, придётся ли его с кем-нибудь делить. Работу взамен брали не везде. Там, где я показывала иглу, могли просто показать мне на дверь; людям нужен был покупатель, а швы у них держались и без меня.

Подъезжая к Ковентри, я размяла тряпицу с деньгами сквозь карман. Монеты уже не складывались одна на другую. Каждую можно было нащупать отдельно.

Я сошла с повозки и долго шла за нею по улице, хотя могла свернуть раньше. Пока рядом скрипели колёса, у меня было занятие. Когда возница повернул, я остановилась, поправила шляпу и спросила о Суммсе у первого человека, который не прошёл мимо.

В этой улице дома теснились один к другому; между оштукатуренными стенами попадались тёмные деревянные балки. Из открытой лавки вынесли свёрнутую ткань и развернули прямо у двери: край её на мгновение повис над грязью. Две женщины остановились посмотреть. Я обошла их, поглядывая на высокую церковную башню над крышами. Через несколько поворотов она показалась с другой стороны, и я уже не знала, приблизилась к ней или вернулась назад.

К вечеру я успела повторить его имя столько раз, что оно утратило знакомое звучание. Я объясняла, как он выглядит, говорила, что он голландец и бывал моряком. Меня посылали спросить в другом месте. Иногда я не понимала объяснения и оказывалась на улице, где уже проходила. Тогда приходилось выбирать, у кого спросить снова так, чтобы не услышали прежние собеседники.

Никто не сказал, что Суммса в городе нет. Я держалась за это, переходя улицу в последний раз.

Утром мне представлялось: стоит назвать имя в нужном месте — и человек за прилавком или у ворот покажет, куда идти. Я успела даже испугаться, что найду его слишком скоро, не успев придумать первую фразу. Теперь подошвы болели от стояния почти так же, как от ходьбы, и каждый новый дом казался последним, где я смогу спросить спокойно. Мне хотелось хоть от кого-нибудь услышать: да, знаю. Я уже не выбирала, какие вести соглашусь получить.

В последнем доме я остановилась у двери общей комнаты. Там ели. Я уже знала, сколько стоит мой следующий ужин, и старалась смотреть на лица. У стены сидел человек в солдатском кафтане, рыжевато-коричневом в полумраке и красном там, где свет падал на рукав. У него было широкое лицо, густые брови и гладко выбритый подбородок с синей тенью. Одно плечо он держал ближе к стене; рядом лежала шляпа, и никто не пытался занять это место. Когда я назвала фамилию, он попросил повторить.

Я подошла слишком быстро.

— Джеймс Суммс. Голландец.

— Не знаю.

Я кивнула и отступила. Он перевернул ложку в руке.

— А ты кто ему?

— Мне нужно его найти.

— Это я слышал. Он тебя ждёт?

— Нет.

Солдат осмотрел меня. Я опять почувствовала край шляпы над бровью и сползший рукав.

— Работу умеешь какую?

— Шить. С грузом помогать.

— Служить пойдёшь?

Вопрос был произнесён тем же голосом. Я посмотрела на его кафтан, на хлеб возле миски. Потом опять ему в лицо.

— Что делать?

— Солдатом будешь. Остальному научат.

Я подумала, что Уилл тоже собирался научить меня остальному. Но он с самого начала назвал утро, до которого мы нужны друг другу.

— Долго?

Солдат положил ложку.

— Ты наниматься пришёл или день переждать?

— Я спрашиваю.

Он отодвинул миску и указал на скамью. Я села, оставив узелок на коленях.

Он спросил имя, возраст и откуда я пришла. Двадцать два я назвала с облегчением: хоть что-то не приходилось переделывать под одежду. О семье сказала только, что есть сестра. Он подождал, но я больше ничего не добавила.

Я сама спросила про одежду и еду. Это прозвучало жалко, особенно про еду: перед ним стояла миска, а я следила за хлебом возле неё. Солдат ответил, что на службе положено и то и другое.

— Но я тебя не на ужин зову, Грей.

Я убрала пальцы с узла, который всё затягивала и затягивала. Солдат сидел спокойно. Он не пододвигал ко мне хлеб, не обещал найти Суммса и не уверял, что впереди всё будет легко.

— А куда идти?

— Куда прикажут.

— Если мне понадобится уйти? По своему делу.

— Попросишь разрешения.

— А не дадут?

— Значит, останешься.

Я посмотрела на дверь. Днём я входила и выходила из таких дверей всякий раз, когда разговор кончался. Нужно было подняться и сейчас. В городе оставались улицы, на которых я ещё не была; может быть, завтра кто-нибудь узнал бы имя Суммса. Мне представлялась его спина впереди, совсем близко, за двумя или тремя прохожими. Достаточно было окликнуть.

— Я до утра подумаю, — сказала я.

Солдат придвинул миску обратно.

— Думай. Только после рассвета меня здесь не будет.

Я взялась за узелок, собираясь встать. Из кармана через сукно в бедро упёрлись оставшиеся монеты. Я пересчитала их пальцами и осталась сидеть.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.